

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Михаил Анчаров

САМШИТОВЫЙ ЛЕС

Издательство «Азбука»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-44
А 74

Составитель Александр Етоев

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-17367-5

© М. Л. Анчаров (наследник), 2019
© А. В. Етоев, состав, 2019
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ТЕОРИЯ НЕВЕРОЯТНОСТИ

Глава 1

СКЛОЧНАЯ ШКОЛА

Этой весной у меня наступила пора любви. Я совсем юный. Мне сорок лет. Когда в сорок лет человек вдруг решает, что наступила пора любви и весь переполнен желанием всучить кому-нибудь пылающее сердце, это означает, что какие-то жизненные неудачи, крах, может быть, вытряхнули его из нормы.

Нет. Личной неудачи у меня не было. Просто потому, что личные неудачи предполагают личную жизнь. А личной жизни у меня не было. Поэтому по личной части у меня все в порядке. Я удачник. Я миновал все личные конфликты эпохи. У меня не было конфликтов с женой, которая бы стремилась к яркой жизни, потому что жены у меня не было, а яркая жизнь была. По крайней мере на мой вкус, может быть, несколько субъективный. Рос я хотя и в эпоху легких разводов тридцатых годов, однако нашей семье не дали развалиться добрые люди и мои родители, которые тоже были добрыми людьми. У меня не было склок с теперешним молодым поколением, которое годится мне в сыновья. Попадались, конечно, сладкоречивые подонки, энтузиасты на секунду, неблагодарные хапуги, жадненькие любители чужого, но это так и называется — подонки. С поколением в целом отношения у меня складывались удачно. Подрастающая мелочь (мои подчиненные) ко мне тянулась. Мы друг друга не обижали. Может быть, потому, что я не стремился показать им, что я хороший, а они не очень. Я давал им возможность оглядеться, когда мы еще были юными и роскошными. Почему было не повторить этот эксперимент? Он ведь оправдался на войне.

На войне я не совершил ничего особенно героического, но я не прятался, а воевал. Несколько наград. Все. Я не могу назвать себя скромным — ого-го! — но не поминай войны всуе.

Чем же была заполнена моя жизнь? Работой. Не то чтобы я любил преодолевать трудности. Я вообще считаю, что, за ис-

ключением внезапных бедствий, любые трудности — это значит не то делаешь, не там ищешь, нет конструктивной идеи или не хватает эмпирики, опыта. Я так считаю. А мало ли как я считаю! Вряд ли кому-нибудь это интересно. Мне было интересно работать.

И вот работа, которой я жил все эти годы, лопнула. Да так крепко, что я решил уходить. Вообще уходить из этой области. Не то чтобы я боялся неудач, вся моя работа в основном состоит из неудач, такая моя работа. Но тут не только лопнула работа, лопнуло что-то во мне самом. Надо уходить. Надо искать что-то другое, какой-то другой интерес. Может быть, я себя не разгадал, может быть, моя стезя — это вовсе не работа, это вовсе любовь, скажем.

Подумав так, я влюбился. Я вдруг полюбил всех женщин сразу, а ведь это нельзя, но не мог с собой ничего поделаться. Больше того. Я влюбился не только в женщин, но и в дома, в собак, в воздух, в афиши. К мужчинам у меня двойственное отношение, но я думаю, что их положение не безнадежно, со временем они могут рассчитывать на мою любовь. Детей я любил всегда.

А ведь раньше, до краха своей работы, я любил только идеи и законы. Я любил блеск мысли и не обращал внимания на ее носителя. Вероятно, потому, что сам блеском мысли не отличался, хотя считался человеком умным и эрудированным, думающим и результативным. Думающим! Знали бы вы, чего мне это стоило. Я думаю с такой натугой, с какой, вероятно, снежный человек обучался бы писать. Я, наверно, даже шевелю губами и подвываю. И что самое обидное или, быть может, поразительное, это то, что все мои научные достижения, удачи (у меня иногда бывают удачи, несмотря на то что я занимаюсь наукой), все они не были прямым результатом моих размышлений, а приходили, как мне кажется, каким-то диким способом. Митя, есть такой дылда, — он работал безошибочно. Он наблюдал, делал выводы, они подтверждались. Вот кому я завидовал! Ну, правда, в случае удачи я шел несколько дальше, чем он. У нас были отчетливо установившиеся отношения. Я вызывал у него ненависть, а он у меня скуку. Впрочем, это никакого отношения не имеет к любви.

Вернемся к проблеме. Человек бьется за то, что у него отнято. У нас, у довоенных мальчишек, оставшихся в живых, война отняла ласковую школьную романтику. Поэтому тот, кто не струсил, ищет ее всю жизнь. Предсказываю необычайно пышное цве-

тение романтики, если ей на этот раз не помешает какая-нибудь дикость. Что такое романтика? Это тоска по великому. Она же стимулирует его появление. Потому что вырабатывает чутье на великое. Некоторые думают, что романтика — это ложь. Неверно. Романтика — это отдаление от предмета на расстояние, достаточное для его обозрения.

Я слишком пригляделся к своей работе, чересчур уткнулся носом в нее, я перестал видеть ее на расстоянии. А работа без нравственного оправдания ее — бессмыслица или жестокая необходимость — что угодно, только не призвание. Надо было посмотреть на нее издалека. Съездить куда-нибудь на далекое расстояние? Но куда? Можно было бы слетать на Луну, но это пока неосуществимо, хотя все последние годы мне казалось, что это вот-вот случится и что я буду этому косвенной, небольшой, но все-таки причиной. Я не мог въехать в будущее и оттуда поглядеть на свою работу, но мне как-то не приходило в голову, что можно сесть в такси и въехать в прошлое.

Эта идея пришла Ржановскому. Я ему сказал:

— Все, Владимир Дмитриевич. Биология моя не работает, — стучу я себя по лбу. — Я — бездарь.

— Загордился. Все сам, сам. Поразить меня хочешь. Вот и зашел в тупик. А из тупика один выход — назад. Вернись к исходному пункту, откуда у тебя зародилась идея, и оттуда погляди на то, что делаешь.

А я ему сказал:

— Нет, Владимир Дмитриевич, историю техники я знаю, не поможет.

А он мне ответил:

— Щенок. Не историю техники ты знаешь, а историю успехов, историю того, что осуществилось.

А я ему сказал:

— А разве это не одно и то же, Владимир Дмитриевич?

А он мне ответил:

— Не люблю малограмотных. Идея при ее зарождении всегда богаче исполнения. Исполняют только то, что жизненно, что осуществимо в тот момент. И оттого уходят в сторону. Но, сделав виток, спирали снова оказываются над исходной точкой, только порядком выше. Нельзя этому сопротивляться. Это все равно что мешать электрону при соответствующих условиях перескочить на другую орбиту.

А я ему сказал:

— Де Бройль предлагает другую модель.

А он мне ответил:

— Не люблю уклончивых. Разговор не об этом. Садись в такси и поезжай.

А я его спросил:

— Куда?

А он мне ответил:

— На Благушу.

Почему я сам до этого не додумался? Не знаю.

Когда Митя с веселым смехом предложил испробовать на его модели мою схему, я с веселым смехом согласился. Вика помчалась звонить Ржановскому. В наступившей тишине был слышен стук ее каблучков по коридору, где еще не успели проложить каучуковые дорожки. В наступившей тишине было слышно кряхтение Митиной оравы, которая перетаскивала на второй этаж тяжелый кабель.

Я не имел права этого делать. И если бы это предложил не Митя, я бы, конечно, отказался. Митя так и говорил о моей схеме: «Маниловщина, маниловский мост через пруд, мост, который никуда не ведет». Но я-то догадывался, куда ведет этот мост.

Если бы еще Ржановский был на месте, оставалась бы надежда, что хоть тему-то не закроют. Но старик невылазно сидел у себя в Кунцеве. Да он бы и бровью не повел, чтобы отвести надвигающуюся беду. Ржановский, вообще-то, считал, что все, что может быть разбито учениками Семенова, должно быть ими разбито, так как это стимулирует дальнейший поиск. Поэтому из каждой схватки возникали докторские диссертации учеников Семенова, а ученики Ржановского потом топтались в приемных комитетах с просьбами насчет сроков и смет.

Поэтому школа Ржановского считалась склочной школой.

Ну, правда, в случае удачи школа Ржановского проходила несколько дальше школы Семенова.

Не надо объяснять, чьим учеником был Митя. С веселым смехом Митя предложил испытать мою схему. С веселым смехом я согласился. Вика помчалась звонить по телефону. Четыре часа ушло на монтаж — соединяли мое чахлое изделие с Митиным кровопийцей. Три минуты ушло на испытание. Включили. Великий Электромонтер Сявый сел в угол возле ведра с окурка-

ми. Загудело. Испытания кончились. Так же как и большинство испытаний за последние десять лет. Не надо объяснять, как они кончились. Данте считал, что в аду воняет серой. Он ошибался. В аду воняет горелой резиной.

После этого приехал Ржановский и прогнал меня на Благущу. Ржановский всегда приезжает «после этого».

И вот шел я к Благущу и думал, что Памфилий, Гошка Панфилов — поэт Панфилов, который хотя и виделся с Ржановским несколько раз, а видимо, лучше знал его, чем я, знакомый со стариком всю жизнь. При каждой встрече он ругался с Ржановским, вернее, ругался Памфилий, а Ржановский молчал и не мешал ему ругаться. Памфилий сказал:

— Несмотря на то что академик Ржановский физик, он культурный человек. Он догадывается о том, что смутное и дикое состояние души, которое принято обзывать хлестким словечком «тоска», есть штука важная, хотя и неприятная. Несмотря на то что он в свое время первым признал кибернетику, он теперь не торопится объявлять поэзию «средством информации». И слова Тютчева о том, что поэт, то есть лирика, «не змею сердце жалит, а как пчела его сосет», — для него не пустые слова. Если он и может принять версию о том, что лирика — это информация, то прежде всего как информация о состоянии души человека, ищущего отклика у себе подобных. Он догадывается, что лирика есть постановка важных, иногда огромных задач без указания средства к их осуществлению.

— Ну и что? — спросил я.

— Вот почему он тебе советовал съездить на Благущу. А ты не понял.

Еще он сказал:

— Ты всегда отличался недогадливостью. Это простительно вашему дядде Мите, а не тебе, творческому человеку.

Памфилий вообще физиков за людей не считает. Он утверждает, что образовалась целая когорта физиков, которые удирают в лаборатории, в «ящички», чтобы укрыться от проблем жизни под видом приближения к этим проблемам. Башня слоновой кости с кондиционированным воздухом. И что это скоро обнаружит себя отсутствием больших идей миропонимания.

И вот я вылез из такси и пешком, зажав в кулаке нейлоновый берет «болонья», приближался к Благущу.

И в мозгу у меня колотились забытые названия — Семеновская застава, Щербаковка, Мейеровский проезд, Покровская община, Введенский народный дом...

Я шел через Покровский мост, но не тот маленький каменный мост, через который проходили трамваи — третий, четырнадцатый и еще какие-то, а через холодный мост для машин и троллейбусов.

Мост мне показался холодным потому, что позади меня шло семейство — отец, мать и сын, и отец говорил со сдержанным гневом и глубокой горечью:

— До тех пор, пока отец не спустит с него штаны и не выводит его ремнем, до тех пор не будет толку.

— Он этого дожидается! — говорила мать. — Смотри, он же дожидается этого!

Сыну было лет пять, и лицо его не было полно ожидания того, что его выводят ремнем. Мать ошибалась.

«Вот еще детей у меня нет», — подумал я.

Это потому, что я представил себе, что я почувствую, если ихний сын возьмет меня за палец. Я прибавил шагу, чтобы не оглядываться на мальчика.

После многих лет затворничества я обнаружил, что на улицах хорошо.

Я шел с отчетливой мыслью, что я обязан найти нравственный идеал эпохи. Потому что теория невероятности, которой я придерживался, толкала меня на это безумное и потому реальное предпринятие. И конечно, я мечтал найти его в первом встречном. «Не может быть, чтобы мне так не повезло, — думал я, — не может быть...»

— Хуг! — шепотом вскричал я. — Бледнолицые перешли через Ориноко.

Бесшумным индейским шагом я скользнул в прошлое.

Да, так вот.

Знаете ли вы благушинскую ночь? Нет, вы не знаете благушинской ночи. А почему вы ее не знаете? Потому, что от всей огромной Благуши, что простиралась от Семеновской заставы до Окружной дороги и Измайловского зверинца, осталась одна маленькая улочка под названием Благушинская, самая тихая в Москве. Это такая тихая улица, что когда среди бела дня раздается вопль «Машина-а!», то с тротуаров кидаются мамки, нянь-

ки, расхватывают детей, играющих на булыжной мостовой, и улица пустеет. Потом медленно тарыхтит цистерна «МОЛОКО» — и снова на Благушинской улице «классы», ведерки для песочных пирогов и всякое такое.

Знаете ли вы, какие названия были на Благуше и в окрестностях?

Боже мой, какие были названия! Хапиловка, например. Это такая речка, которая состояла из чистой воды керосина. Или Божениновка. А Благуша? Одни говорят, что это имя основателя района. Помните, у Пугачева был сотрудник по имени Хлопуша? Все наши благушинские считали, что это просто опечатка.

А какие тесты, какие надписи были на Благуше! На Семеновском кладбище был мраморный гроб с кистями, а на нем надпись: «Купец 2-й гильдии Гудалов родился в 1861 году, умер в 1913 году от любящей жены». Умер от любящей жены! Искренне и хорошо. Или афиши... В тридцатом году, когда на Благушу проник джаз, на стене клуба фабрики «Шерсть-сукно» висело объявление: «ДЖАЗ! ТАНЦЫ! СТРАСТНЫЕ ПЕСНИ!.. СОЛО НА БАНДАЖЕ — ГОТЛИБ!» Да, когда-то на Благуше кипели страсти. Да и я сам был не такой. О-го-го — какой я был! Когда мне было десять лет, Зинка из великой семьи Дудаевых сказала, что у меня лошадиные глаза. Это был первый комплимент от женщины, и поэтому он врезался в память навечно. Как там у Диккенса насчет дилижансов: «Ту-ру-ру — звучит рожок, и мальчики и девочки не возвращаются назад».

Чтобы успокоиться, я вытащил блокнот и стал писать на ходу. Какая-то девушка толкнула меня под локоть и пробежала мимо.

— Тьфу, черт! — сказал я и нагнулся.

А моя первая встречная уже бежала далеко впереди. «Можно ли считать встречным того, кто толкнул со спины?» — думал я, глядя ей вслед.

Я шел теперешний, сорокалетний, по каким-то необыкновенно прошлым местам и опять становился мальчиком и опять все никак не мог им стать. На мне висела шкура сорокалетнего дядьки, и в перспективе брезжила проблема живота. Ребята! Ведь это же я, Алеша Аносов с Благуши и Большой Семеновской!

Теперь меня толкнули спереди.

— Гражданин, замечаетесь!

Я поднял глаза — на меня смотрела какая-то замысловатая харя. Нет, я не буду искать в ней нравственный идеал эпохи.

Все было настолько странно и так похоже на сон, что я начал думать о себе в третьем лице: *...Он свернул в переулок и вошел во двор, окруженный большими домами. Он, прищурившись, посмотрел туда, где около мокрых гаражей виднелась скамейка... Он пошел, уселся, вынул блокнот и карандаш и стал писать цифры...*

Я услышал голоса и поднял голову.

Мальчишки играли в мяч и с ними девушка в коротком пальто. Я пригляделся. Это была девушка, которая толкнула меня на улице.

Уголки рта у нее загибались вверх, и, кажется, были веснушки.

Она находилась в конфликте с мальчишками, и они злились на нее. Она была озорная и обыгрывала их в мяч, быстро отскакивая и пробегая отметки. Чувствовалось, что ей хочется играть, а играть не с кем. В ней была жизнь.

Мне захотелось нарисовать ее, и я стал набрасывать ее черты поверх схемы, но у меня плохо получалось. Я перевернул лист, и снова плохо получилось. Мне только удалось пометить карандашом выражение рта, но у меня все время получался тяжелый подбородок.

Они кончили играть, и мяч, который швырнули проигравшие мальчишки, прокатился близко около меня, и девушка пошла за мячом. Она подошла и, пройдя мимо, с вызовом посмотрела на меня и покосилась на блокнот. Но я прикрыл блокнот, и это ее задело.

Она прошла обратно и зацепила меня, презрительно дрогнув ноздрями. Видно было, что я взрослый и неинтересен ей, но чем-то задевал ее, и ей было любопытно. Длинные ноги продефилировали мимо и короткое пальто. Глаза у нее были горячие, и ноздри презрительно вздрагивали. Ей было смертельно любопытно, но обижало, что ее за человека не считают. Видно было, что она привыкла повелевать, а ее рисуют, как дерево.

Я перестал рисовать и спросил:

— На каком вы курсе?

— На пятом, — ответила она.

Я сказал:

— Либо вы пойдете по одной дороге, либо по другой.

Она села на бугорок и подкидывала мяч в руках.

— По какой дороге? — спросила она.

— Либо вы будете задевать всех, и это войдет в привычку, и тогда вы вырастаете большая и красивая, вы и сейчас красивая, и вам будут подчиняться, но счастья у вас не будет.

Она внимательно слушала. Потом заметила, что слушает внимательно, и это ее разозлило.

— Почему это? — спросила она с вызовом и потом добавила: — Все обучают...

— Привыкнете командовать и будете всех презирать. Все вам будут неинтересны, и вы пропустите свою любовь.

Она уже не подкидывала мяч, и ей было интересно, и она смотрела на меня серьезно, — я произнес магическое для ее возраста слово — любовь.

— А если вы будете доброй с людьми, то вам будет интересно с ними, и к вам будут тянуться.

Я подумал и сказал опять:

— С женщинами, которые командуют, всегда хитрят. Им не доверяют и боятся. А женщина, которая добрая, и с достоинством, и с жизнью в глазах... Перед такими — плащи в грязь!

Я вдруг понял, как это все выглядит в ее глазах. Для нее была неожиданна эта вспышка, и она говорила о чем-то несостоявшемся. В ее возрасте всегда веришь, что чужая тоска больше твоей, хочешь в это верить и хочешь помочь и быть нужным. И видимо, это взволновало ее, так как эта вспышка относилась все-таки к ней и к чему-то в ней заложенному, что увидел в ней этот дядька, который таращил на нее карие глаза.

— Плащи в грязь, — сказала она.

Она хотела улыбнуться презрительно, но улыбка вышла почти жалкой.

...А его кольнула тоска потому, что он все время смотрел на нее и не понимал, зачем он это говорит, и что кто-то с ней будет счастлив потом. Он знал, что был фантазером, и это всегда заводило его далеко и причиняло ему мучения, и понял, что надо кончать...

Чтобы как-то защититься, я сказал почти грубо:

— Я вам дело говорю... Вам так никто не скажет... Потому что я пришел и ушел, и меня нет... А вы теперь станете об этом думать.

Я поднялся.

...Он все это говорил потому, что она его все время задевала, он понимал, что безнадежно взрослый для нее и она его презирала за

то, что он взрослый и у него никогда ничего не может быть с ней, и ему захотелось доказать этому младенцу, у которого все впереди, что возраст тоже кое-чего стоит...

— Мне надо за телефон платить, — сказала она напряженно. *...Он сделал вид, что ничего не заметил, но у него тревожно екнуло сердце...*

— Ладно, прощайте, — сказал я. — Мы с вами больше не увидимся.

— Я с вами пойду, — сказала она упрямо. — Мне за телефон платить.

— Ладно, — сказал я. — Пошли, немного пройдемся.

Она встала. Становилось как-то странно и опасно для него.

Мы пошли по двору. Мяч она оставила на земле, и его подобрали мальчишки.

Когда мы проходили мимо дома, я остановился.

...У него все время жила мысль, что невозможно будет ее увидеть опять — ведь не свидание же ей назначить, этому младенцу. И надо было кончать...

А теперь, когда мы стояли перед домом, я был ошеломлен. Это было неправдоподобно, но это факт — мы стояли перед своим собственным домом, перед домом, где я когда-то жил. Я стал смеяться. Что-то получалось совсем хорошее и необыкновенное. Я не узнал своего собственного дома. Хотя почему? Непонятно. Ведь я и шел к себе домой, в свой двор и сел на скамью в своем дворе. Только я вдруг не узнал своего двора и своего дома, когда говорил с ней о том о сем и хвастался недорогой проницательностью. Забыл, что сижу перед своим домом.

Она смотрела на меня с недоумением.

Я сказал:

— А знаете ли вы, что я жил в этом доме?

Она посмотрела на меня недоверчиво и радостно улыбнулась.

— А я в этом... — Она указала на противоположный.

Она взрослела на моих глазах. Теперь это была женщина, дружелюбная, умная и все понимающая.

Мы смотрели друг на друга и смеялись.

...Он видел в ней взрослое и был счастлив... Она видела в нем детское и была счастлива.

Мы вышли со двора и пошли по улице. Мы все понимали друг в друге.

Я сказал:

— Я женат...

— Ну и что же, — сказала она с детским эгоизмом. — Вы женаты несчастливо.

Я покосился на нее.

...«Эгоизм», — подумал он...

— Ишь вы... — сказал я.

— Иначе вы бы не стали так со мной говорить! — сказала она с возмущением.

...Нет, это был не эгоизм. Просто она все понимала...

— Со мной так еще никто не говорил, — сказала она. — Я всем говорила «отстань».

...Да, но ведь никто еще не любил ее с первого взгляда...

— Я пошутил, — сказал я. — Я не женат.

— Я знаю, — сказала она.

Мы остановились около почты.

— Платите за телефон, — сказал я.

Она кивнула, и мы вошли внутрь.

Я посмотрел, как она идет к окошечкам, около которых стоят люди.

...И понял, что без нее жить не может...

Она подошла к очереди.

— Мне за телефон... разрешите, — сказала она людям.

— А вот, в очередь.

— Я очень тороплюсь, — сказала она.

— Девочка, в очередь.

...Девочка — назвали ее... Он сразу поблек. Он опомнился...

Я достал из кармана две копейки и пошел к автомату.

Девушка испуганно оглянулась из очереди и отыскала меня глазами.

— Да, я, — сказал я, плотно закрыв дверцу. — Ну, кто, кто? Алеша... Вика, старика на горизонте не видно?.. Прекрасно... Тогда я сейчас вернусь... Ну что значит не разрешил!.. Привет.

Девушка выбежала из очереди. Я вылез из будки.

— Вы уходите? — спросила она.

— Да.

— Я хочу вас увидеть еще раз, — сказала она.

— Вот еще. Зачем? — сказал я.

Она кинулась к наклонному столу и ручкой написала на промокашке. Вернулась и протянула мне руку, как будто милостыню просила.

Я посмотрел на красную, детскую еще совсем руку и понял, что это она мне протянула руку помощи.

Я взял промокашку и сунул ее в карман. Я протянул ей руку, но она убрала свою.

— Нет. Не буду прощаться, — сказала она. — Позвоните, когда захотите. Даже можно ночью...

Я кивнул и вышел.

Она глядела мне вслед, когда я проходил мимо окон почты.

Нет, я, конечно, не позвоню. Нашли дурака! Что я, враг себе? Нет, я себе не враг.

Глава 2

НЕТ, РЫЖИК, НЕТ...

Я бы, конечно, не пошел на свидание, но этому предшествовали чрезвычайные события у нас в лаборатории.

Когда я вошел в лабораторию, Митина команда праздновала победу. На опущенном кульмане стоял коньяк, а в вытяжном шкафу — тарелка с дорогобужским сыром, запах которого все равно заполнял лабораторию.

— Надеюсь, вы не против? — спросил Митя.

— О нет, — сказал я. — Нисколько. Но стоит ли, пардон, гадить в лаборатории?

— Никто не гадит. Проще — хотите выпить? — спросил Митя.

— Только на нейтральной почве.

— Хорошо. Пошли в беседку.

Мы пошли в беседку.

Нашу фирму строили недавно. Это огромное здание с зарешеченными окнами нижнего этажа. Оно стоит на пустыре, заваленном строительным мусором. За пустырем — сарай для несекретного оборудования — бочки с цементом рваные покрышки и сишный кот, который хотя и не пьет, однако ест любые закуски. Скоро беседку сломают, но сейчас это место для лицейских пирушек и круговой чаши в нерабочее время. За беседкой — шоссе и огороды. Вдали Москва.

Все бы обошлось, наверно, если бы Митя не взялся нас поучать. Нас, это Памфилия, меня и Анюту. Панфилову я позвонил по телефону, Анюта сбегала за боржомом. Анюта — мой самый большой друг. Ей восемнадцать лет, она работает у нас курьером и учится на учительницу в педагогическом техникуме.

— Давай, давай, — сказал я, выслушав Митины поучения. — Произнесем тронные речи.

Мне давно уже хотелось потолковать с Митей по существу.

— Долой школярство! — сказал Митя. — Я кончил.

В его устах это означало — долой фантастику. Ученый Митя считает фантастику ликбезом, то есть детским уровнем мышления.

Помнится, был спор насчет физиков и лириков — кто лучше? Формула неточная. Этот спор о нравственном идеале и о методе творчества.

И тогда Панфилов произнес тронную речь.

— Время беременно фантастическими открытиями, — сказал Панфилов. — Необычайно расцвела фантастика. А ведь фантастика — это лирика науки.

Панфилов сказал:

— Но лирика — это особый способ мышления. Он объемный в отличие от линейного логического. В лирике образ возбуждается от образа, и цельное представление возникает в мозгу, минуя промежуточные связи, минуя всякие «следовательно». А вдруг способ лирического мышления для творчества вообще органичнее обычного метода умозаключений? А вдруг слабое развитие этого метода является следствием недостаточного понимания самого предмета науки? Вы уверены, Митя, что человечеству не предстоит качественный скачок в самом способе мышления? Ведь из истории науки известно, что многие открытия приходят внезапно. Давно известно, что открытия приходят на стыке двух наук. Но не возникает ли у вас мысль об открытиях на стыке науки и искусства? Ведь тогда фантазия, романтика — это модель такого мышления, а искусство в целом, вызывая душевные встряски, есть способ пробуждения такого рода мышления.

— Мышление — это мышление, — сказал Митя. — Вот Аносов, ведь он же не физик. Вы не физик, Алексей Николаевич. Я говорю жестокую правду. Характера у вас нет. Вы бы могли быть кем угодно. Даже кинооператором.

— Думайте, что говорите, — сказал я. — Эй, вы...

— Перестань. Он прав, — сказал Памфилий. — Он бы мог быть кем угодно. Ну и что плохого?

— Да нет, пожалуйста. Разве я против, — сказал Митя и рассмеялся весело. — Просто говорю, почему у него маловато успехов. А те, что есть, случайные.

Он говорил обо мне как о покойнике. Черт с ним, со мной! Он говорил об определенном типе ученого. И, кроме того, никто из нас не хочет принадлежать к типу. Каждый хочет быть сам по себе. Господи, но только не дилетантом!.. И еще я подумал, что у человека наглого всегда более прочная позиция. Завидно.

— Не кипятись, — сказал мне Памфилий. — Митя, вы резвитесь потому, что у вас куча новых идей. Но это не новые идеи. Это новые выводы из старых идей. Породить основную идею вы не можете.

— Вы это точно знаете?

— Конечно. А он может. Он не физик, он человек. Следовательно, он поэт.

— Ха-ха, — сказал Митя, сказал и не засмеялся. — Вас я обижать не хочу.

— Вы не хорохорьтесь. Это серьезней, чем вы думаете, — сказал Памфилий. — Это вовсе не разговор о профессии. Стихи может писать каждый. Всеобщее десятиклассное образование все-таки. Все знают кучу слов и всякие там корневые рифмы. Но при чем тут поэзия? Поэзия — это творчество.

— Творчество — это разум! — икнув, сообщил Митя и осушил кубок доброго вина. — Следовательно, это мужество, трезвость, порядок. Пусть трудный, но порядок. В то время как всякая романтика, искусство, фантастика, лирика — это детское перескакивание через факты. Скачки, вызванные желанием невозможного.

— Чепуха, — сказал Памфилий. — Порядок — это только подготовка к творчеству. И открытия — это только результат творчества. А что такое творчество, увы, никто не знает. Может быть, это душевный резонанс на что-то. А вот на что?.. Какой-нибудь физик додумается. Но это будете не вы.

— Ну вы-то с вашими идеями тоже далеко не пойдете, — сказал Митя. — То-то сейчас вся поэзия никудышная. Это знает каждый.

Тогда я произнес тронную речь. Я сказал:

— Митя, лапочка, ваши все успехи есть следствие старых запасов. Это все затухающий процесс, как следствие резонанса на прочитанные в детстве книжки, прослушанные песни, просмотренные кинокартины. И поскольку ваша малограмотность в области искусства принципиальна, то вам, Митя, предстоит, исчерпав старые запасы, дотягивать до пенсии. Потому что через не-

сколько лет цена вам, как физику, будет не больше, чем прибору для автоматической пайки проводов. Очень хороший прибор, кстати.

— Слушайте, вы! — сказал Митя.

Он выпрямился во все свои метр девяносто и выпятил галстук-бабочку, «гаврилку», как ее называли во времена нэпа.

— В институте вы этого не проходили. Нет, это вы слушайте, — сказал я, любуясь его отличной выправкой.

— Мне надоела ваша тронная речь.

— А мне нет, — сказал я. — Я оттачиваю формулировки.

И еще я сказал:

— Не надейтесь на машину, Митя, — подведет. В крайнем случае сотворите искусственного человека. А стоит ли хлопотать? Разве старый способ так плох? Ведь сотворение человека всегда было связано с наслаждением... Анюта, не слушай. Это и есть творчество.

— Пижоны вы, — сказал Митя. — Все ваши страсти-мордасти, все эти эмоции, пылания-горения, вдохновения оттого, что вы пижоны. Отсутствие общей спортивной подготовки, а также дисциплины в мозгах.

Он посмотрел на свою команду, которая не принимала никакого участия в дебатах, а только переводила глаза с одного на другого.

Мне уже давно перестало нравиться, как мы разговариваем.

— Вы ведь пижоны. Как вы считаете, мальчики-девочки? — обратился он к своим. — Они ведь пижоны. Вся их школа такая.

Ого! Я подскочил.

— Синьоры! — сказала Вика. — Синьоры!

Хотя она работает вместе со мной, ее малодушно тянет к Мите. Я уже давно заметил, что она метит ему в жены. Увы, в семьях я ничего не смыслю.

— Ф-фух... — передохнув, сказал я. — Ну вас к черту, Митя. Я жалею, что затеял эту перепалку. Вы пень.

— Синьоры!.. Синьоры!.. — сказала Вика.

Мы сели на свои места. Кот, сопя, доедал дорогобужский сыр. Сквозь щели беседки пробивалось закатное солнце. Чокнулись.

— Еще два таких разговора... — сказал Митя.

— Ну и что? — переспросил я. — Мне надоело.

— Будьте покойником, — сказал он и стиснул челюсти. — В самом прямом смысле.

Все притихли. Все-таки метр девяносто.

— Ба!.. — сказал я и хлопнул себя по лбу. — Теперь я догадался! Когда я шел сюда, я видел десятки трупов! Значит, это ваша работа? Убитые валяются там и сям.

Он ничего не ответил, только закурил многозначительно и, многозначительно сощурившись, стал многозначительно пускать кольца к потолку.

Я стал его передразнивать, повторяя его действия. Все глядели на него с испугом, но я стал повторять его действия. Мне надоел этот Митя. Мне надоело, что его команда молчит. Он всегда подбирал себе каких-то бессловесных.

— ...Н-ну? — сказал он, пуская колечки. — Итак?.. Что вы обо мне думаете?.. Скажите прямо.

— Я думаю, — сказал я, пуская колечки, — что многозначительность — это стартовая площадка кретина.

Не глядя на меня, он стал гасить сигарету.

— Вы закончили ваше последнее слово? — спросил он.

— Кстати, — сказал я. — Уточним детали. Вы с детства росли на высокооплачиваемых кормах. Я не так одарен физически, поэтому прибегаю к тяжелым предметам.

— Это все?.. — спросил он и медленно встал. — Уберите женщин.

Его команда наконец загалдела.

— Не все, — сказал я. — Я презираю салонный мордобой.

Он двинулся ко мне. Панфилов взял две пустые бутылки и о край стола отбил доньшки.

— Дуэли не будет, — сказал Панфилов. — Уцелевших арестуют.

К Мите наконец кинулась Вика, стала хватать его за руки, а он делал вид, что сопротивляется ей.

— ...Митя, идемте... Митя, сейчас же идем... Я думала, вы интеллигентный человек, — сказала она Панфилову.

— Он не интеллигентный человек, — сказал я. — Это Митя интеллигентный человек, а он простой советский десантник.

— Так его! — восторженно вскричала Анюта. — Так его, орясину!

Вика надевала на Митю плащ и застегивала пуговицы.

— Воротник поднимите, — сказал я. — Надо уходить в ночь с поднятым воротником. Так красивше.

В Митиной команде раздался чей-то облегченный смех. Я всегда подозревал, что они хорошие ребята. На это Митя уже не реагировал. Теперь он притворялся безумно опьяневшим.

— Нагадили, теперь удираете? Не выйдет, — сказал Ржановский, и Митя сразу отрезвел.

Никто не заметил, как подъехала машина Ржановского.

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич, — сказала Вика.

Ржановский кивнул. Митя спрятался в тень.

— Проезжал мимо. Слышал ваш спор. Мало мыслей и океан пошлости. Митя, вы электронный гвардеец.

— Владимир Дмитриевич... — сказал Митя, нащупывая интонацию.

— Вы не одиноки.

— Правильно, — сказал Панфилов.

— Помолчите, — сказал Ржановский. — Без вас разберемся.

— Едва ли, — сказал Памфилий.

— Болтаете о творчестве, а сами подлизываетесь к физикам.

Потеряли пронизательность, спорите с неучами.

Мы быстренько убрали остатки пира.

— Завтра прикажу сломать этот сарай, — сказал Ржановский и презрительно оглядел всех. — Чтобы я вас больше здесь не видел. Алексей Николаевич, вызовите мне Токарева.

Токарев — это Великий Электромонтер Сявый.

Я стоворился с Панфиловым встретиться у Кости Якушева и пошел провожать Ржановского.

Мы идем к его «Чайке».

— Ходил на Благушу? — угрюмо спрашивает Ржановский.

— В общем, да, — осторожно отвечаю я.

— В общем... — буркает Ржановский и идет лягать ботами передние покрышки. Он правит сам, несмотря на то что ему за семьдесят.

— Еще раз... — говорит он. — В лабораторию приходит запрещаю. Нечего слоняться.

— А что же мне делать? — глупо спрашиваю я.

— Предавайтесь воспоминаниям.

— Я уже предавался.

— Ты же у нас мастак, — говорит Ржановский. — Кто этого не знает! Только и слышишь от тебя: «А что же мне делать?» Терпеть не могу. Занимайся личной жизнью.

— Я уже занимался, — говорю я. — Все утро занимался личной жизнью. А как же!.. Владимир Дмитриевич, я тут утром кое-что набросал.

Он отобрал у меня блокнот с утренними записями.

— Выбрось все из головы, — сказал Ржановский.

Он, презрительно сморщившись, сунул блокнот в карман пальто и, топая ботами, полез в машину.

Машина укатила.

— Поздно уже сеять, поздно и пожинать. Долой школярство! Этот дылда прав. В смысле Митя.

Надо знать Памфилия, чтобы понять, чего стоили ему эти слова.

Мы вернулись к себе и застали там нашего качающегося художника Костю да Винчи, который, как всегда, сидел на стуле, упершись коленями о край стола, и расшатывал задние ножки стула.

Он посмотрел на нас вызывающе и продолжал раскачиваться на стуле.

Памфилий ничего не сказал ему на этот раз, только махнул рукой как-то странно и по-детски неуверенно, потом опустился на диван и, глядя на художника исподлобья, растерянными глазами, тихо промолвил:

— Долой ликбез...

Во всем доме стояла мертвая тишина.

Художник опустил передние ножки стула, расставил колени, как сфинкс, и положил на них ладони рук.

— Рыжик, что с ним? — спросил он, кивнув на Памфилия.

Мне было больно видеть, как жалко выглядел финал этой великой битвы, но я мужественно сказал:

— Он струсил, Костя... он бесповоротно струсил.

Сказав это, я содрогнулся. Потому что Памфилий взял у меня из рук газовую английскую зажигалку и вытащил папиросу из трубы усовершенствованной хаты-папиросницы. Я смотрел на него своими карими бездонными, как вечернее небо, глазами, и в душе у меня бушевала буря. Щелчок зажигалки был подобен выстрелу.

— Долой грамматику, — твердо сказал Памфилий и выпустил шрапнельный комок дыма.

Все было кончено.

Мы стояли у окна, положив на подоконники тяжелые кулаки, и догорающее вечернее небо освещало наши измученные и все же такие вдохновенные лица.

Все было кончено.

— Хватит валять дурака, — сказал Костя да Винчи и перестал бледнеть. — Чего мы раскисли? Что нам, первый раз дают по шее на пути к познанию? Мы еще молоды, кровь еще буйно струится в наших жилах, и нравственный идеал светит нам подобно звезде Бетельгейзе, которая, как известно, является звездой второй яркости, но первой величины, и дает такой интересный спектр со многими линиями, и с Сириусом и Проционом, созвездиями Большого и Малого Пса образует блестящий равносторонний треугольник, обнимая каждой стороной около двадцати шести градусов... Пройдемся по городу, ибо у нас еще много времени до ночи.

Мы вышли.

Был вечер. Были улицы, наполненные путниками, среди которых там и сям попадались гении и девушки с глазами, полными неосознанного вдохновения.

Был вечер.

— Памфилий, Костя да Винчи, ребята... — сказал я голосом, в котором слышались подавленные рыдания. — Может быть, мы еще вернемся?

— Нет, Рыжик, нет, — сказал Памфилий. — Нам необходим кислород.

— Никто никогда не возвращался на прежний путь, — сказал Костя да Винчи. — Хватит ломать комедию. Подумаешь, Митю испугался! Подумаешь, лопнула твоя схема! Новую сделаешь. Самую невероятную.

Мы бродили до поздней ночи и вдыхали кислород.

А потом я остался один в переулке.

— Ну что ж, поищем телефон, который автомат, — говорю я довольно громко и вытаскиваю из кармана розовую промокательную бумагу.

«Смешные ребята, — думаю я. — Ничего я на свете не боюсь, кроме девушки по имени Катя».

Глава 3

РОЯЛЬ КРАСНОГО ДЕРЕВА

Я позвонил ей по телефону, и она тут же откликнулась.

— Алё!.. Да!.. Я слушаю! — сказала она. — Это вы?! Нет, не сплю, не сплю!.. Недалеко? Я сейчас выйду! Нет, я сейчас выйду!

Вы не уйдете?.. Честное слово? Нет, вы скажите честное слово! Ага!

Она повесила трубку.

Потом она выскочила из парадного. На ногах у нее тонкие чулки и тапочки. Пальто внакидку она придерживает у горла.

— Как же мы гулять пойдем? — спросил я.

— Гулять?

Она уносится в парадное.

Я стою и ковыряю землю ботинком.

Она выходит из парадного, одетая в пальто, косынку и туфли на шпильках.

Она поднимает ко мне лицо.

— Я готова, — говорит она.

...Я тоже, — подумал он...

Люди нашей эпохи понимают друг друга на ходу и часто перестают понимать, живя рядом. Люди нашей эпохи рассказывают дорожному попутчику историю своей жизни, и двое, годами жившие бок о бок, иногда мало что знают друг о друге. Такая наша эпоха. Пуд соли, где ты?

Нет, мы не стали знакомиться с девушкой Катей.

Она мне задала ряд вопросов: о жизни, о литературе, о любви.

Я дал на это ряд ответов.

Она мне задала академический вопрос:

— Бывает ли любовь с первого взгляда?

Я ответил академически:

— Бывает. Ну и что хорошего?

Я ей сказал:

— Давайте не будем знакомиться. Зовите меня Алексей Николаевич, а я вас Катя. Поговорим о жизни, как люди. Хорошо?

Она подумала и сказала:

— Ладно.

Она сказала:

— Знаете что?.. Давайте разговаривать, как прохожие.

— Почему как прохожие?

— Вы не хотите знакомиться. Вы же все знаете лучше всех.

Я промолчал.

— Я думала, я вас понимаю, — сказала она.

Я испугался и взял ее за руку.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория невероятности. <i>Повесть</i>	5
Золотой дождь. <i>Повесть</i>	125
Этот синий апрель... <i>Повесть</i>	187
Сода-солнце. <i>Повесть</i>	303
Голубая жилка Афродиты. <i>Повесть</i>	359
Поводырь крокодила. <i>Повесть</i>	419
Самшитовый лес. <i>Роман</i>	499
Стройность. <i>Повесть</i>	793

Анчаров М.

А 74 Самшитовый лес : роман, повести / Михаил Анчаров. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 928 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-17367-5

«Автор предупреждает, что все научные положения в романе не доказаны, в отличие от житейских фактов, которые все выдуманы». Этой фразой Михаил Анчаров предваряет свое самое, возможно, лучшее сочинение, роман «Самшитовый лес». Собственно говоря, в этом весь писатель Анчаров. Вероятное у него бывает невероятно, невероятное вполне вероятно, а герои, живущие в его книгах, — неприкаянные донкихоты и выдумщики. Теория невероятности, которую он разработал и применил на практике в своих книгах, неизучаемая, к сожалению, в вузах, необходимейшая, на наш взгляд, из всех на свете теорий, включая учение Карла Маркса о прибавочной стоимости.

Добавим, что писатель Анчаров первый, по времени, русский бард, и песни его донныне помнятся и поются, и Владимир Высоцкий, кстати, считал барда Анчарова главным своим учителем. И в кино писатель Анчаров оставил заметный след: сценарист в фильме «Мой младший брат» по повести Василия Аксенова «Звездный билет», автор первого российского телесериала «День за днем», который, по указке правительства, продлили, и вместо запланированных девяти серий показали семнадцать, настолько он был популярен у телезрителей.

В сборник вошло лучшее из написанного Михаилом Анчаровым. Опять-таки, на наш взгляд.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)-44

Литературно-художественное издание

МИХАИЛ АНЧАРОВ
САМШИТОВЫЙ ЛЕС

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Александр Райхчин, Ольга Золотова,
Дмитрий Капитонов, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.11.2019. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 58. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ARL-25886-01-R